

А. И. Бардаков
(д-р. полит. наук,
профессор, Волгоградский институт
управления — филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС)
DOI 10.22162/2587-6503-2017-2-2-61-71

Российская нация в фокусе межэтнической интеграции и социальной миграции

На российском обществоведческом исследовательском поле актуализировалась проблема российской нации. Для прояснения перспектив российской нации попытаемся сфокусировать, свести в одну точку межэтническую интеграцию и социальную миграцию, поскольку они были определяющими факторами в формировании наций. В контексте становления российской нации межэтническая интеграция и социальная миграция являются одним из частных вопросов этого большого политического процесса. Актуальность интеграции и миграции для теории и практики будет возрастать по двум основным причинам. Во-первых, численность населения России без интеграции и притока мигрантов будет иметь устойчивую тенденцию к сокращению, что в условиях огромной территории страны обусловит экономические, политические и многие другие проблемы. Следовательно, российское государство заинтересовано в интенсификации интеграции и притоке мигрантов. Во-вторых, в связи с отсутствием рабочих мест, качественного образования, неравномерностью рождаемости в регионах России и многим другим причинам внутренняя миграция стала объективной реальностью для современного российского общества, что требует тщательной проработки теоретических и практических процессов интеграции.

Миграционные потоки из других стран и внутренняя миграция были и остаются важным фактором, влияющим на социальные и межэтнические интеграционные процессы в России. Для раскрытия содержательной стороны интеграции и миграции в современной России необходимо определиться с понятийным и терминологическим аппаратом. Ранее предложенная методология исследования [Бардаков 2016: 42] позволяет вести речь о двух видах миграции — социальной и естественно-природной, или биотической. Качественная определенность социальной миграции проявляется в сохранении и повышении

общественного статуса индивида, а биотической миграции обнаруживается в стремлении сохранения жизни. Данная методология базируется на единстве и взаимосвязи трех форм бытия — природы, социума, культуры, — которые определяют три основных вектора развития современного индивида и общества. Соответственно культура как форма бытия детерминирует качественную определенность культурной миграции, сущностью которой является развитие человеческих свойств индивида.

Исходя из трех видов миграции (биотическая, социальная, культурная), видимо, можно более продуктивно понять и раскрыть процессы межэтнической интеграции и социальной миграции всего российского общества в целом и российской нации в частности. Для ясности и однозначности понимания предмета исследования хотим заметить, что термин «интеграция» будет использоваться в своем обычном значении как «соединение в одно целое того, что раньше существовало в рассеянном виде» [Интеграция...], соответственно словосочетание «социальная интеграция» будет обозначать соединение в одно целое общественных отношений. Социальная интеграция не существует вне биотической базы, и ей свойственны культурные аспекты, но она не сводима ни к первому, ни ко второму. Социально интегрироваться — это значит стать необходимым и неотъемлемым элементом, прежде всего, экономической, политической и военной сфер общества. Так, введенная квота на количество призывников в ряды российской армии из республик Северного Кавказа не способствует сплоченности российского общества. Конечно, социальная интеграция не может не затрагивать духовной сферы, но она не может стать определяющей в этой сфере, поскольку становление духовности сопряжено с биотической и культурной составляющей общества и индивида. Таким образом, социальная интеграция осуществляется в формах бытия социума и взаимосвязана с формами бытия природы и культуры.

Гораздо сложнее в терминологическом и понятийном плане выглядит процесс межэтнической интеграции. Своеобразную артикуляцию эта проблема получила осенью 2016 г. после поручения Президента Российской Федерации подготовить закон «О российской нации». В СМИ, а затем и в научном сообществе этой проблеме уделено достаточно много внимания [Городецкая 2016; Василенко, Сидоренко 2017], но надеяться на результативность ни в теории вопроса, ни практике не приходится.

Проблема заключается в том, что межэтническая интеграция имеет корреляцию с различными стадиями, уровнями этнического развития. Можно оспаривать, что этническая группа проходит свое становление через состояние рода, племени, народности или иные стадии, чтобы стать нацией. Однако независимо от количества стадий развития этнической группы достаточно очевидно, что в эволюционном процессе этого феномена такие стадии есть, они с необходимостью предполагают различные уровни его социально-культурного развития. Соответственно наличие различных стадий социально-культурного развития у целого ряда этнических сообществ России оказывает существенное влияние на межэтническую интеграцию в российском сообществе. Следуя логике рассуждения, обозначенной при характеристике социальной интеграции, можно констатировать, что «межэтническая интеграция» будет обозначать соединение в одно целое национальных (этнических) отношений. В этом процессе существенным моментом является то, что «целое» — это не количественная совокупность национальных отношений, а нечто другое, качественно иное, не являющееся этническим (национальным) феноменом, представляющее собой более высокое культурное образование, которое весьма значимо для эволюции биотической и социальной составляющих индивида и общества.

Однако такое утверждение может вызвать возражения у специалистов, которые отождествляют понятие «национальность» с гражданством индивида [Тишков 2016]. В. А. Тишков настаивает, что такое отождествление — общемировая норма, к которой россияне должны стремиться. Автор справедливо отмечает, что «СССР был не тюрьмой народов, а колыбелью наций, и он их выпестовал» [Тишков 2016], и утверждает, что нация как стадия этнического развития не может трансформироваться в нечто более совершенное. Поэтому межэтническую или межнациональную интеграцию он связывает с гражданскими отношениями, гражданской нацией. Он предлагает всю совокупность граждан России независимо от их национальной или иной этнической идентификации обозначать термином «российская нация».

Активный сторонник мультикультурного общества Х. Гайслер также предлагает рассматривать нацию как высшую ступень этнического развития. Исследователь выстраивает аргументацию о возможности мирного и свободного сосуществования людей различных национальностей в условиях развитой демократии [Гайслер 2015]. Таким обра-

зом, В. Тишков и Х. Гайслер связывают решение национальных проблем и, видимо, дальнейшее развитие человечества с совершенствованием социальности. Они полагают, что в социуме как форме бытия можно достичь гармонии между этническими (национальными) образованиями путем утверждения демократии, то есть посредством изменения, улучшения социальных отношений.

Имеется и иная точка зрения на истоки российской нации. С. Василенко и А. Сидоренко с определенной долей иронии обращают внимание на мнение В. Михайлова, который является главой группы, осуществляющей экспертизу проекта закона «О российской нации». Эксперт отвергает гражданско-политическую смысловую нагрузку термина „российская нация“ и настаивает на его взаимосвязи с этническим фактором [Василенко, Сидоренко 2017]. Акцентируя внимание на этническом факторе «российской нации», автор тем самым отдает приоритет её биотической составляющей. В этом суть отличия позиции В. Михайлова от В. Тишкова и Х. Гайслера, которые настаивают на преобладании в нации социально-политических свойств. Надо заметить, что такие подходы весьма важны для раскрытия целого ряда социально-политических проблемных полей, но они имеют и уязвимые стороны.

Во-первых, соглашаясь с В. Михайловым в том, что нация имеет свои корни в биотической составляющей конкретного этнического образования, а чаще — конкретных этнических образований, хотим заметить, что в полноте ее развития преобладают социальные взаимосвязи. Нация — это пик развития этнобиотической группы (групп), поэтому она не может обрести черты, свойства другой нации.

Во-вторых, в термине «российская нация» нет необходимости, поскольку нет и не будет такой реальности. Большим и малым этническим группам, достигшим в своей эволюции национального состояния, то есть состояния нации, нет необходимости совершать метаморфоз в нацию с другим предикатом. Калмыкам, русским и всем другим представителям наций России стать единой нацией с другим названием не удастся, поскольку в биотическом образовании, прошедшем различные ступени своего развития и достигшем состояния нации, начинают доминировать социальные взаимосвязи, поэтому его дальнейшее развитие осуществляется в рамках социальных закономерностей. Соответственно нация в рамках общих закономерностей развития социальных феноменов с необходимостью будет трансформироваться в

свое другое состояние, но это будет уже не нация. Интеграция межэтническая или межнациональная является объективным процессом, поэтому ее результатом будет нечто целое, требующее своего термина, который не будет ограничиваться сменой предиката типа российская нация. Уместно напомнить, что В. В. Колесов неоднократно обращал внимание на закономерность, согласно которой термин возникает в связи с наличием вещи, феномена [Колесов 1986].

В-третьих, гражданство (гражданственность) является фактором, объединяющим всех людей России независимо от их национальности, однако его нельзя отождествлять с национальностью. Между этими двумя социальными феноменами действительно много общего, что и провоцирует исследователей на их отождествление, но есть и существенное различие. Общее состоит в том, что гражданственность и национальность становятся неотъемлемым атрибутом индивида только в условиях доминанты общественных отношений, наличия устойчивой государственной системы. Индивид не исключает из своей жизни кровно-родственные (биотические) взаимосвязи, но в силу преобладания социальных взаимосвязей он идентифицирует себя по национальному и гражданскому основанию. Индивид связывает свою кровно-родственную принадлежность не с родоплеменным образованием, а нацией, свою социально-пространственную принадлежность не с малой родиной, конкретной территорией проживания, а со всей целостностью территории государства. Общее у гражданственности и национальности проявляется также в том, что деятельность индивида и в первом, и во втором случаях направлена на благо соответственно государства, нации. Гражданин — тот, чья жизнедеятельность направлена, прежде всего, на развитие не естественно-природной общности, а общественной целостности, государства. Представитель национальной общности — тот, чья жизнедеятельность направлена, прежде всего, на развитие не родоплеменной общности, а национальной целостности государства. В мононациональном государстве гражданственность и национальность будут тождественны, но в современном мире такие социальные системы найти крайне сложно, они исключение, которое подтверждает не только правило, но и закономерности современного национального развития. Существенное различие между гражданственностью и национальностью обнаруживается:

1) понятие «гражданственность» шире, объемнее по сравнению с понятием «национальность». Люди различных национальностей мо-

гут иметь одно гражданство, то есть составлять общественную целостность, а люди одной национальности, но с различным гражданством не могут составлять общественную целостность. Выражаясь иначе, гражданство может иметь сколько угодно много национальных элементов, а национальность не может включать в себя элементы гражданства;

2) национальность имеет биотические корни и в своем эволюционном становлении является вершиной этого развития, а гражданственность имеет социальные корни и возникает как противоположность, как качественно иное по сравнению с варварством;

3) гражданство меняется по личной инициативе или в силу политических обстоятельств (жители Крыма — гражданство советское, украинское, российское), а национальность в формально-правовом плане может быть сменена по личной инициативе индивида, но вероятность смены национальности всей этнической группой крайне низка.

В-четвертых, можно допустить, что нынешние дискуссии политических практиков и теоретический дискурс научного сообщества о российской нации являются идеологическим действием, призванным нивелировать остроту национальных отношений в современной России. Люди, обладающие знанием о закономерностях развития социальных феноменов, будь то политическая система, нация, государство, класс, партия и многое другое, хорошо понимают, что все эти явления с необходимостью будут трансформироваться в совершенно иное, то есть исчезать или переходить на более высокую ступень своего развития. Переход нации в качественно иное сопряжен с целым рядом рисков и не может проходить безболезненно, поэтому идеологи пытаются нациям, утрачивающим самобытность (в условиях интеграции это свойственно всем нациям), и индивидам, утрачивающим возможность своей национальной идентификации, предложить нацию-эрзац — российская нация. Соглашаясь с необходимостью упреждения межнациональной напряженности, достаточно сложно представить, что законодательный акт или политическая декларация изменит структуру предвыборных баталий, где нация всегда используется как важный политический фактор. При наличии современных политических технологий и социальных сетей нация-эрзац может нанести ощутимый урон ныне существующему балансу национальных отношений в российском обществе, который так трудно восстанавливался после тенденций к децентрализации в 1990-е гг.

Обозначенные слабые стороны исследования, как и реализации феномена «российская нация», вовсе не означают желание оставить все без изменения. Для решения существующих проблем необходимо отказаться от абсолютизации социогностики, то есть признать методологическую ограниченность социальных подходов и использовать культурологическую методологию для выявления путей развития социально-культурных феноменов современности. В этом процессе важно понять, каковы истоки, корни конкретного феномена, чтобы определить возможность его трансформации из формы бытия социум в форму бытия культура. Так, гражданство (гражданственность), как и политика, управление, власть и многое другое, обусловлены развитием трудовой деятельности, поэтому в своей бесконечной модификации они никогда не утратят своей сущности и останутся неотъемлемым элементом социума. Гражданство не может получить своего развития в форме бытия культуры, так как оно призвано формировать преданность, патриотизм к конкретному пространству, обществу, государству, то есть формирует социальные качества индивида. Национальность же получает свое дальнейшее развитие в форме бытия культуры, поскольку у всех существующих наций заложена традиция формирования добродетели, гуманистических свойств индивида. Видимо, такая традиция была заложена еще в период доминанты биотических взаимосвязей для самосохранения кровно-родственных образований. При этом надо понимать, что одни институты, имеющие национальную атрибутивность, формируют социальные свойства индивида, а другие — человеческие свойства индивида, соответственно первые остаются необходимостью социальности, а вторые реализуют свой потенциал в культуре, способствуя развитию человечества. На ограниченность общественного прогресса, социального развития обращает внимание высший иерарх одной из мировых религий — Его Святейшество Далай-Лама. Он отмечает: «... демократия, либерализм, социализм — все великие общественные движения последней сотни с лишним лет, несмотря на множество замечательных идей, так и не смогли выработать универсальную систему ценностей, которую, по идее, должны были обеспечить» [Далай-Лама 2004: 38].

Понимая значимость политкорректности при обсуждении межнациональных вопросов, тем не менее необходимо заявить, что снятие национальных противоречий в форме бытия социума невозможно, в формах социальности эти отношения можно сбалансировать, оптими-

зировать, но устранить их можно только в форме бытия культура. Такой подход приближает нас к научной истине и повышает продуктивность поиска путей решения одной из политических проблем современности. Многообразие социально-культурных взаимосвязей имеет вполне определенную логику приоритетов и соответствующих иерархий. В каждой из форм бытия преобладают свои организационные установки и ценности. В условиях доминанты биотических отношений социальные и культурные взаимосвязи находятся на втором плане, так как основная задача этих сообществ — выживание, самосохранение. В условиях доминанты социальных отношений, биотическое и культурное отодвигается на второй план, поскольку в этих сообществах самое важное — это социальный статус, определяемый владением собственности или обладанием власти. В условиях доминанты культурных взаимосвязей биотическое и социальное располагаются на втором плане. Индивид в формах бытия культуры не перестает быть элементом биотических и социальных взаимосвязей, но приоритетным вектором его развития становятся человеческие свойства. Человек осуществляет интеграцию, миграцию, идентификацию в координатах межличностных, человеческих взаимосвязей, а не в координатах социальных взаимосвязей, где нация, гражданство являются важным фактором интеграции и идентификации.

Надо признать, что целостность современной России определяется социальной интеграцией, а культурная интеграция способствует этой целостности, но ее количественный потенциал еще незначителен, поэтому и возникает идея о российской нации как социальном явлении. Особую сложность, своеобразное испытание интеграцией проходят мигранты. В России уделяется большое внимание переселению соотечественников, проживающих за рубежом. М. Л. Галас отмечает, что благодаря усилиям государства переселились «...в Российскую Федерацию более 500 тыс. соотечественников» [Галас 2017: 65]. Нет сомнений, что государство при принятии решения о переселении соотечественников преследовало социально-политические цели. Государство заинтересовано в увеличении численности своих граждан, но миграционный поток соотечественников возникает не только по биотическим и социальным основаниям, соотечественники хотят быть в своей культурной среде. В этом плане показателен пример интеграции жителей Крыма, которые после проживания более двух десятилетий в другой социально-политической системе вынуждены проходить пра-

вовую, политическую интеграцию и социальную адаптацию. Однако им не надо проходить культурную интеграцию, поскольку культурные связи государство (государства) прервать не может. Воссоединение Крыма с Россией — это не только грамотная военная операция, а результат единства духа, культуры. Интересно воссоединение Крыма с Россией и в другом аспекте. Количество русских, украинцев, армян, болгар, крымских татар и других национальностей, а также православных, мусульман и людей других вероисповеданий в России стало больше, они стали гражданами России, но это вовсе не показатель укрепления российской нации.

Гораздо сложнее идет интеграция в российское общество мигрантов, продолжающих осуществлять свою жизнедеятельность в парадигмах прежней социально-политической системы. Ю. О. Сулягина выделяет четыре базовые адаптационные стратегии межэтнического взаимодействия: 1) геттоизация или пассивная автаркия; 2) культурная колонизация или агрессивная автаркия; 3) ассимиляция; 4) интеграция или аккультурация). Она трактует интеграцию как наиболее продуктивную из возможных стратегий [Сулягина 2017: 138–139]. Соглашаясь в целом с выводом, хотим заметить, что автор использует понятие «культура», но из контекста статьи понятно, что исследователь ведет речь только о социальной интеграции. Наивность авторской позиции состоит в том, что исследователь рассматривает социальную интеграцию в качестве достаточного основания для устранения социального расслоения. Надо четко понимать, что государство и его институты возникают и существуют именно для установления и поддержания социального неравенства, социального расслоения вплоть до сегрегации. Для поддержания установленного порядка всегда используется идея, которую, по мнению Е. А. Матвиенко, нельзя «... побороть силовыми методами. Ей можно противопоставить только другую, более привлекательную, идею» [Матвиенко 2016: 6]. К этому следует добавить, что в социальной интеграции национальный компонент является обязательным, поэтому очень важно то, каким будет путь его дальнейшего развития. Бездарный политический субъект может национальный компонент социальной интеграции превратить в национализм, а грамотный дальновидный политик превращает его в основание культурной интеграции.

В масштабности социальной миграции и социальной интеграции не всегда заметны отдельные индивиды, которые в своей совокупно-

сти и образуют нечто целое. Надо заметить, что на федеральном и региональном уровнях управление миграционными процессами имеет положительную динамику, но следует обратить внимание на местопребывание мигрантов, которое по объективным причинам не может быть эффективно контролируемо органами обозначенных уровней власти. Дело в том, что, когда небольшая группа мигрантов, отдельный мигрант проживают на конкретной локальной территории, соответственно социальная и культурная интеграция имеет свое воплощение в реальной социокультурной среде местного сообщества.

Казалось бы, управленческие успехи в миграционной политике федерального и регионального уровней должны воодушевлять местные сообщества на участие в интеграции мигрантов. «Мигранты и принимающее сообщество, — отмечает И. С. Тарбастаева, — могут локально проживать на одной территории, но ментально и культурно практически не соприкасаются друг с другом» [Тарбастаева 2017: 166]. Такое состояние можно объяснить только отчужденностью народа от власти. В России вот уже третье десятилетие как декларируется местное самоуправление, но реальных механизмов волеизъявления народа по вопросам местного значения так и не появилось. Отсутствие реального самоуправления обусловлено не слабостью интеллектуального потенциала российских ученых и политиков, а финансово-экономическими интересами представителей власти и крупных собственников, которые не хотят терять рычаги управления и контроль за финансовыми потоками. Местное самоуправление сопряжено не только с финансово-экономическими, правовыми основами, но имеет прямое отношение к развитию человека, так как принимать самостоятельное решение о своем развитии индивид начинает только в форме бытия культуры посредством самоуправления. Местное сообщество, осуществляющее свою жизнедеятельность в формах самоуправления, является идеальным социокультурным образованием для культурной интеграции российского общества в целом и мигрантов в частности. Это объясняется тем, что для местного общества ценностью являются человеческие свойства индивида, а его социальный статус, национальная принадлежность не имеют особого значения. Местному сообществу независимо от его этнического и социально-статусного состава нет необходимости идентифицировать себя с российской нацией.

Литература

Бардаков А. И. Методология исследования миграции в социальных системах // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия Политология и социология. 2016. № 2. С. 39–43.

Василенко С., Сидоренко А. Российская нация не может определиться с «Законом о российской нации» [электронный ресурс] // URL: <http://okolokremlya.ru/content/4780> (дата обращения: 12.08.2017).

Гайслер Х. Граждане, нация, республика [электронный ресурс] // URL: <http://smartpowerjournal.ru/201015/> (дата обращения: 12.08.2017).

Галас М. Л. Современные задачи политического регулирования внешних и внутренних миграционных процессов российского государства // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. Т. 7. № 3 (27). С. 63–71.

Городецкая Н. Закон о российской нации спускают на региональный уровень [электронный ресурс] // URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3171483> (дата обращения: 12.08.2017).

Далай-Лама. Этика в новом тысячелетии / пер. с англ. М.: ООО Издательский дом «София», 2004. 336 с.

Интеграция // Словари и энциклопедии на Академике [электронный ресурс] // URL: <http://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F&from=xx&to=ru&did=&stype> (дата обращения: 12.08.2017).

Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 312 с.

Матвиенко Е. А. К вопросу об идейных истоках современного экстремизма // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия Политология и социология, 2016. № 3. С. 5–8.

Сулягина Ю. О. Адаптационные стратегии мигрантов в условиях этнокультурного разнообразия современного социума // Материалы Афанасьевских чтений. 2017. № 1 (18). С. 137–143.

Тарбастаева И. С. Роль территориального общественного самоуправления в межэтнической интеграции мигрантов // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15. № 2. С. 164–174.

Тишков В. А. То, что Россия — уникальное многонациональное государство, заблуждение [электронный ресурс] // URL: http://www.vestikavkaza.ru/material/151704?utm_source=divr.it&utm_medium=facebook (дата обращения: 12.08.2017).